

С. Б. Вальчак

Удила предскифского периода и киммерийские лошади Восточной Европы

процессе выделения древностей предскифского периода из массива памятников древних кочевников на юге Восточной Европы, начавшемся в конце 40-50-х гг. текущего столетия, важная роль принадлежала анализу уздечных принадлежностей, типологически отличных от тех, которые традиционно связывались с ранними скифами [1; 2; 3]. Роль хронологического и этнокультурного индикатора предскифских памятников элементы конской сбруи, особенно удила и псалии, сохраняют и в настоящее время.

Основываясь на исследованиях Н. В. Алфимова [4; 5], А. И. Тереножкин разделил памятники предскифского времени на две хронологические группы, соотнес их с историческими киммерийцами [6]. При этом соответствующими более раннему черноголовскому этапу были признаны удила со стремечковидными и однокольчатыми внешними окончаниями, а более позднему новочеркасскому этапу — удила с двухкольчатыми окончаниями [6, с. 149]. К практически аналогичным выводам пришел в середине 70-х гг. и А. М. Лесков [7, с. 26]. Всеми исследователями в это время применялся метод корреляции определенного типа удил (выделяемого по форме внешних окончаний) и определенного типа псалиев, что и служило основой для построения относительной и абсолютной хронологии (в рамках VIII-VII вв. до н. э.) памятников черноголовского и новочеркасского этапов.

В 1984 г. Н. Л. Членова, используя метод перекрестных аналогий как в европейских, так и в азиатских памятниках, предложила общую датировку всех предскифских памятников Восточной Европы VII в. до н. э., что фактически сблизило время их существования с раннескифскими памятниками [8, с. 30-44]. В этом же году, основываясь на материалах раскопок могильника Фарс в Закубанье, А. М. Лесков вновь аргументировал тезис о сосуществовании на каком-то этапе стремечковидных, однокольчатых и двухкольчатых бронзовых удил, а следовательно, и двух групп памятников [7, с. 26; 9, с. 147-150]. Еще ранее, на основании анализа азиатских материалов, подобная гипотеза была высказана М. А. Сабуровой и В. Н. Ягодиным [10, с. 306].

Позднее, в 1989 г., вышла статья О. Р. Дубовской, в которой подкурганские комплексы с двухкольчатыми удилами из Северного Причерноморья рассматривались как инфильтрация импортных северокавказских вещей в черноголовскую среду, что фактически еще раз поставило вопрос о сосуществовании, по меньшей мере частичном, всех типов удил и памятников обеих групп [11, с. 66-67].

В 1990-1991 гг. В. Р. Эрлих, рассматривая комплексы из Закубанья, обратил внимание, вслед за М. Н. Ложкиным и В. Г. Петренко [12, с. 71], на еще один типологический признак — рельеф стержней удил. Этот признак, при корреляции с типом удил и типом псалиев в уздечных наборах, оказался важным для уточнения их хронологии [13, с. 35-42]. Значимость этого признака для анализа удил отмечалась и ранее [10, с. 306-307], но оставалась незамеченной многими исследователями вплоть до конца 80-х гг. [14; 15]. Учет рельефа на удилах при анализе уздечных комплексов предскифского

времени юга Восточной Европы позволил предложить их более подробную дифференциацию во времени и пространстве [16, с. 17-19; 17, с. 52-73].

Обычно гипотеза о частичной или полной синхронности памятников черноговорского и новочеркасского типов рассматривалась исследователями как корректирующая хронологическую схему А. И. Тереножкина. Однако А. И. Тереножкин неоднократно отмечал, «что основы новочеркасского комплекса начинают зарождаться и формироваться еще на черноговорской ступени» [6, с. 201]. Изучение достоверных уздечных комплектов с трехплетельчатыми псалиями и вещей иных категорий показало, что археологический материал позволяет сегодня разделить некогда единый новочеркасский комплекс на три хронологических этапа. Первый и второй из них следует считать синхронными в целом черноговорскому вещевому комплексу и называть предновочеркасским и предклассическим новочеркасским соответственно. Вещи, характерные для них, практически не встречаются за пределами Северного Кавказа. Третий, названный классическим новочеркасским, связывается с историческими киммерийскими походами конца VIII — первой половины VII вв. до н. э. Характерные для него вещи встречаются далеко за пределами Северного Кавказа, по всей Восточной Европе, они практически не связаны с вещами черноговорского комплекса, но хорошо известны в совместных находках с предметами раннескифского облика. Постепенная смена черноговорского и предновочеркасского комплексов в Северном Причерноморье и на Кавказе классическим новочеркасским комплексом иллюстрируется промежуточной группой памятников, которые сочетают в себе ранние и поздние черты. Эта группа может считаться предклассической в строгом смысле слова и в широких рамках датироваться второй половиной VIII в. до н. э. [13; 16; 17; 18; 19; 20].

Таким образом, проблема выделения четких хронологических рамок смены того или иного материального комплекса предскифского времени в Восточной Европе является надуманной и теряет свою актуальность. На сегодняшний день гораздо более интересным, на мой взгляд, является вопрос о степени синхронности черноговорского и предновочеркасского комплексов, а также памятников классического новочеркасского типа и «раннескифских» памятников.

За углубление даты ряда памятников новочеркасского, а точнее предновочеркасского этапа, выступают С. В. Махортых, В. И. Ключко, В. Ю. Мурзин, В. И. Козенкова. Для аргументации используются находки из комплексов у с. Радионовка, погр. 15 и 34 могильника Кисловодской мебельной фабрики, погр. 38 Зандакского могильника, погр. 12 Верхнекобанского могильника, погр. 2 (1949 г.) у с. Заюково, комплекс из Аксаия и Залевкинский клад [21; 22; 23; 24]. Исходя из подсчета взаимовстречаемости удила и псалий в уздечных комплексах, следует отметить, что большинство этих комплексов относится не к самым ранним, а к промежуточной Предклассической и поздней классической новочеркасской группам памятников [16; 17; 18].

Различное понимание исследователями тех или иных морфологических особенностей в конструкции удила и псалий не приводит к положительному решению вопроса о хронологии каждой из групп (это отчетливо проявилось во время дискуссий по совместным докладом В. Р. Эрлиха и С. Б. Вальчака в 1992-1993 гг. на заседаниях скифо-сарматского отдела ИА РАН, ИА НАН Украины, семинара по раннему железному веку кафедры археологии МГУ, XVIII Крушиновских чтений в 1994 г.).

В связи с этим хотелось бы предложить еще один признак для анализа удила, не морфологический, а метрический. Оказалось, что существует разница в длине однокольчатых и треугольно-конечных (стремевидных) удила, с одной стороны, и двухкольчатых удила — с другой.

Методика измерений производилась следующим образом. Измерялась длина каждого из звеньев исключительно двухчастных удила (L). Затем измерялась длина внешнего окончания каждого звена (Lb). Естественное превышение в длине внешних окончаний двухкольчатых удила (состоящих из двух элементов крепления) над длиной внешних окончаний однокольчатых и треугольно-конечных удила (состоящих из одного элемента

крепления) преодолевалась следующим образом: определением длины рабочей части удила (L_p). Значение этого параметра получалось по формуле:

$$L_p y = (L - L_b - 1) \times 2$$

Предварительно высчитывались средние значения L и L_b для двухкольчатых удила и, совокупно, для однокольчатых и треугольно-конечных, затем вычислялась разница средних L и L_b , из которой вычитался еще один сантиметр, обусловленный сцеплением звеньев удила между собой и нахождением звеньев под некоторым углом в рабочем состоянии. Полученный результат умножался на два (по числу звеньев в удилах):

$$\sum L_p y = (\sum L - \sum L_b - 1) \times 2$$

Было измерено 90 удила и 12 отдельных звеньев, которые по контексту их находки бесспорно относились к предскифскому времени. Измерялись в основном реальные удила из коллекций музеев и научных учреждений России и Украины, в некоторых случаях промеры делались по точным прорисовкам удила в натуральную величину.

Для 100 звеньев двухкольчатых удила средняя длина звена составила 10,3 см, средняя длина внешнего окончания — 3,5 см, средняя длина рабочей части удила — 11,6 см.

Для совокупности из 92 звеньев однокольчатых и треугольно-конечных (слосмевидных) удила средняя длина звена составила 8,8 см, средняя длина внешнего окончания — 2,6 см, а средняя длина рабочей части удила — 10,4 см.

Таким образом, средняя длина рабочей части двухкольчатых удила превышает аналогичный параметр однокольчатых и треугольно-конечных удила на 1,2 см.

Естественно, что реальные результаты измерений иногда достаточно сильно отличаются от средних показателей, но и конкретные результаты промеров не противоречат средним. Так, минимальная длина двухкольчатого звена равна 7,7 см, а максимальная — 11,9 см (включая внешние окончания). При этом длина менее 10 см наблюдалась у 34% звеньев, а менее 9 см — у 5%. Минимальная длина в совокупности «черногоровских» удила равна 6,9 см, а максимальная — 10,7 см. При этом длина звена менее 10 см отмечена у 93,4% звеньев, а менее 9 см — у 52,2%.

Как уже говорилось выше, проведенный анализ частоты взаимовстречаемости удила определенного типа и вида рельефа стержней с определенными псалиями в уздечных комплектах и археологических комплексах юга Восточной Европы позволил выделить три типологические группы (частично результаты работы отражены в [16; 17]). Эти группы в определенной степени можно считать и хронологическими, потому как четкой границы между ними не существует. Характерные признаки одной группы всегда в небольших количествах встречаются в соседних, что и отражает постепенный процесс смены вещевого комплекса. При этом наблюдаемая «эволюционность» не во всех случаях отражает генетическую преемственность.

Встречаемость псалиев различных типов с каждым из типов удила распределяется следующим образом:

Удила	1 группа	2 группа	3 группа
однокольчатые	20	16	0
треугольно-конечные	21	5	2
двухкольчатые	8	39	57

Напомню, что в третью группу входят исключительно комплекты с псалиями классического новочеркасского типа, а вторая группа содержит в большом количестве как признаки первой группы, так и третьей. Из таблицы видно, что однокольчатые и треугольно-конечные удила преобладают в первой группе, а двухкольчатые — в третьей.

Третья группа датируется по встречающимся в ней вещам и признакам, которые интерпретируются как результат контактов с регионами Закавказья и Передней Азии,

связанными с киммерийскими походами конца VIII — первой половины VII вв. до н. э. В это время в Восточной Европе появляется целый ряд новшеств, которые не имеют здесь корней в более раннем вещевом комплексе: шлемы ассирийского типа, наборные панцири, детали колесничной упряжи, цельнолитые удила-псалии, многозвенные удила, железные копья с двумя отверстиями у основания пера, пышная перегородчатая орнаментация вещей и украшений, а также подкурганый обряд погребения и обряд помещения в насыпь ритуальных «кладов», связанных с впускными и основными захоронениями [13; 16; 17; 18; 19; 20; 25].

Элементы уздечек второй группы иногда встречаются в комплексах с подобными «импортами», значит часть ее древностей может быть отнесена к начальному периоду киммерийских походов и датирована не позднее конца VIII в. до н. э. Вполне вероятно, что появление «длинных» удил, особенно двухколычатых, нужно относить именно ко времени существования второй группы (приблизительно вторая половина VIII в. до н. э.). Даже те двухколычатые удила, которые имеют архаический рельеф, часто встречаются с очень поздними (по морфологии) экземплярами псалиев первой группы. К новациям второй группы следует относить и появление двухрядно-прямоугольного рельефа и орнамента на уздечных принадлежностях Восточной Европы [20].

Таким образом, появление «длинных» и двухколычатых удил может быть отнесено к финальному этапу второй группы и связано с началом киммерийских походов.

Не исключено, что производство таких обусловлено появлением новой породы лошадей в Восточной Европе. Селекция ее могла начаться и на этой территории, но более вероятно, учитывая другие новации этого периода, что она была приведена с других территорий. Подобная проблема пока не рассматривалась остеологами, так что само событие имеет пока гипотетический характер. Отсутствие представительной выборки удил из других регионов не позволяет пока уверенно наметить возможные изначальные районы селекции новой породы. Замечу только, что осмотр выставки бронз Луристана в Эрмитаже и данные каталогов [26, рис. 221-223; 27, кат. 221-223, 228] дали возможность отметить, что наиболее близки нашим «длинным» двухколычатым удилам по размерам удила из Луристана. Эти удила датируются IX-VIII вв. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Крупнов Е. И. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 году // Уч. зап. Кабардинского НИИ. — Нальчик, 1949. — Т. 5.
2. Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII-VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР // СА. — 1953. — Т. 18.
3. Иессен А. А. Некоторые памятники VIII-VII вв. до н. э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. — М., 1954.
4. Анфимов Н. В. Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья // Проблемы скифской археологии. МИА. — 1971. — Вып. 117.
5. Анфимов Н. В. Новый памятник древнемеотской культуры (могильник хут. Кубанского) // Скифский мир. — Киев, 1975.
6. Тереножкин А. И. Киммерийцы. — Киев, 1976.
7. Лесков А. М. Предскифский период на юге Украины. Автореф. дисс. докт. ист. наук. — М., 1975.
8. Членова Н. Л. Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). — Новосибирск, 1984.
9. Лесков А. М. О хронологическом соотношении памятников начала железного века на юге европейской части СССР // Древности Евразии в скифо-сарматское время. — М., 1984.
10. Сабурова М. А., Ягодина В. Н. Литейная форма из Хорсэма // СА. — 1964. — № 1.
11. Дубовская О. Р. К интеграции комплексов типа Новочеркасского клада // СА. — 1989. — № 1.
12. Ложкин М. Н., Петренко В. Г. Уздечный набор из Краснодарского края // КСИА. — 167. — М., 1981.
13. Эрлих В. Р. Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. — М., 1991.

14. *Махортых С. В.* О культурно-хронологической интерпретации памятников типа Новочеркасского клада // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Тез. докл. обл. науч. конф. — Омск, 1987.
15. *Потапов В.* Некоторые вопросы хронологии предскифского периода // Известия Ростовского областного музея краеведения. — Вып. 6. — Ростов-на-Дону, 1989.
16. *Вальчак С. Б., Эрлих В. Р.* Еще раз о комплексах типа Новочеркасского клада // Вторая Кубанская археологическая конф. Тез. докл. — Краснодар, 1993.
17. *Эрлих В. Р.* У истоков раннескифского комплекса. — М., 1994.
18. *Скорый С. А.* До питання про «культурну належність» старожитностей типу Новочеркаського скарбу 1939 р. // Археологія. — 1992. — № 3.
19. *Вальчак С. Б.* О некоторых цельнолитых уздечных комплексах предскифского времени на юге Восточной Европы // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989-1990 гг. — М., 1993.
20. *Вальчак С. Б.* К вопросу о датировке комплекса из Черногоровского кургана // РА. — 1994. — № 2.
21. *Махортых С. В.* Пам'ятки типу Новочеркаського скарбу (за матеріалами Північного Кавказу) // Археологія. — 1992. — № 1.
22. *Клочко В. И., Мурзин В. Ю.* О взаимодействии местных и привнесенных элементов скифской культуры // Скифы Северного Причерноморья. — Киев, 1987.
23. *Клочко В. И., Мурзин В. Ю.* О хронологии древностей черногоровско-новочеркасского типа // Проблемы археологии Поднепровья. — Днепрпетровск, 1989.
24. *Козенкова В. И.* Памятники новочеркасского типа: истоки формирования, культурно-исторический аспект развития (взгляд с гор) // XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. — Кисловодск, 1994.
25. *Белинский А. Б.* К вопросу о времени появления шлемов ассирийского типа на Кавказе // СА. — 1990. — № 4.
26. *Vanden Berghe L.* Luristan een verdwenen bronskunst uit West-Iran. — Sint-Petersabdij-Gent, 1983.
27. Древности страны Луров. Каталог выставки. — С.Пб., 1992.

